

Гладиатор

Цуканова Нина

18+

Нина Сергеевна Цуканова

Гладиатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25441100

SelfPub; 2023

Аннотация

Порой бывает нелегко найти свое место в жизни. Особенно когда в период твоего становления на твою голову обрушиваются разом все трудности. Но сама жизнь иной раз подкидывает неплохие варианты. Правда, возможно, придется в корне пересмотреть свои прошлые планы и мечты... Эта история позволит вам окунуться в атмосферу батального шоу с непостановочной жестокостью, а заодно прокатиться на американских горках эмоционального состояния главного героя. Жизнь в ярких красках и неоновом свете прожекторов, под звуки фанфар и торжествующего рева трибун... Но это – лишь одна ее грань.

Нина Цуканова

Гладиатор

Я привыкаю к свободе

В столице сегодня было холодно. Мерзкий мокрый снег так и лез в глаза и под капюшон толстовки. Новая зима в самостоятельном плавании. В одиночестве.

Желая мне величайшего блага, мои родители сделали мне величайшее зло. Я вырос в теплице. И когда ее стеклянные стены рухнули, я остался один на один с реальным миром.

Как я пережил первую зиму, я с трудом помнил. Как буду переживать вторую – с трудом представлял.

С одеждой была беда. Перед бегством я собирался настолько впопыхах, что спасибо, что не забыл голову и паспорт. Все деньги от экстренной и потому до предела невыгодной продажи дома ушли на оплату института. Первых двух семестров.

Ради всего остального пришлось влезть в долги. С работой тоже было туго. Кому сдался тощий недопианист в за-тасканных джинсах, на стрессе еле вытянувший школьные экзамены на тройки и с треском проваливший экзамены в музыкалке?

Только и оставалось перебиваться какими-то шабашками. На одной из таких сегодня мне сообщили, что нашли замену получше, а я иду на три веселых буквы.

Зря только целую поездку на метро потратил!

Возвращаться домой до боли не хотелось. В тесной двушке на пятерых пацанов я никогда не чувствовал себя уютно. Они рылись с моих вещах, высмеивали памятные фотографии... Однажды нашли дневник, но его я сумел отбить, пацанов до дрожи напугали вылетевшие от моего крика пробки. После этого трогать меня суеверно боялись, но товарищеским отношениям это не поспособствовало.

Спрятавшись от снега под козырьком остановки, я пересчитал деньги. Не густо, но на еду, если затянуть пояс, хватит. Может быть, господь, если он конечно есть, будет милостив ко мне, и в этом месяце на меня не выйдут коллекторы по тому гребаному микрозайму...

Зря-зря, Рей. Зря в это полез. Теперь ты в такой долговой яме, что выбраться из нее можно лишь при помощи веревки. И мыла.

Я спрятал бумажник в карман и поспешил в метро. Может, выкатаю несколько часов по кольцу, хоть согреюсь и отдохну. Там, в людном поезде, меня точно не тронут ни коллекторы, ни мой поехавший дядька.

С приездом в столицу, метро быстро срослось для меня с чувством безопасности. Там было тепло и всегда много народу. А когда много народу, никто не начистит тебе лицо незаметно...

А дядя так и вовсе им не пользуется, наверное... Не того полета птица.

Дядюшка Ган... Антон, простите, был единственным родственником, с которым после гибели родителей у меня сохранился контакт. И я очень от этого страдал. Эта драма в нашей семье началась еще до моего рождения. Когда мой папа, Ренат, нашел себе невесту. Дядюшка почему-то подумал, что Ренат все перепутал, и красавица Сабина вовсе него, Ренатова, а дядюшкина судьба. Что их союз предопределён свыше, и что с её стороны преступление – отдаться другому.

Родители с ним конечно же не согласились, на что дядя Антон очень обиделся, в своей системе координат расценил мамин брак как измену и роковую ошибку. А меня – физическим воплощением этого греха.

О том, что дядюшка больной на голову, я знал не понаслышке. Как-то после школы, еще в нашем маленьком родном городке, он забрал меня, маленького доверчивого шкетта, на прогулку. А потом скинул с моста в речку. Поздняя осень была, реку тронул первый лёд, достаточно крепкий, чтобы здорово разбить о него голову, но недостаточно – чтобы не дать уйти под воду... Это причина, по которой я задержался в первом классе на два года и окончил школу на год позже сверстников.

К тому моменту, конечно родители уже нас нашли, и потому папа успел вытащить меня прежде, чем унесло течение. А мама обратилась разъяренной фурией и навалила Антону. С тех пор он и на километр к нашей семье не приближался, а после и вовсе уехал из города...

Но когда я, продав (на минуточку, положенную мне по наследству) квартирку, бежал в столицу от разгневанной стаи стервятников в лице почему-то имевших на нее виды дальних родственников, он узнал об этом и, выйдя на меня, предложил помощь.

Моя беда в том, что я очень тупой доверчивый идиот. И жизнь меня ничемушеньки не учит...

Так у дяди появилось новое хобби – ловить меня в городе и "вызывать на дуэль". Дядюшка сражался как маг. Я сражался, как мог.

Несравненно превосходивший меня как по силе, так и по опыту, он раз за разом забивал меня, как щенка. Прекрасно понимая, что я не в состоянии дать ему хоть сколь-нибудь достойный отпор. Каждый раз, атакуя, смаковал мои жалкие попытки держать удар, любовался, как у меня начинала идти носом кровь, когда я пытался защищаться магически. И постоянно с упоением говорил мне, насколько я жалок... "Выродок". "Позор семьи". "Крысёныш". "Щенок". "Слаб, как мышь"... Я и сам прекрасно это понимал. Не понимал только, зачем каждый раз бить меня, чтобы убедиться в собственном превосходстве.

Горький опыт научил меня, что лучше не сопротивляться. А молча сдаться и дать дядюшке поразвлечься. Он любил драться магически, но и ногами попинать не гнушался.

У него был медальон с фотографией моей мамы. И каждый раз, победив меня, он делал на обратной стороне заруб-

ку и вслух называл номер. Четыре. Пять. Десять. Двадцать восемь...

Жаловаться было безнадежно, да и некому. Пытался в органы обращаться, но дядюшкина миловидная внешность, тончайший психологический талант, умение убеждать людей в чём угодно и большие связи перевешивали все мои доказательства. Плюнул и сдался.

...Проталкиваясь к поезду, я вздрогнул всем телом, заметив в толпе мужика в похожей на дядину куртку. К счастью, это действительно оказался просто мужик в похожей куртке. Я выдохнул с облегчением и потерял бдительность, потому не сразу заметил ласковое прикосновение к левой ягодице. Я вскрикнул и подскочил, но ублюдок с моим бумажником, ловко лавируя между людей, уже кинулся прочь. Я успел лишь схватить его за край кармана, но ткань треснула, наградив меня кучкой смятых бумажек, а воришка нырнул в закрывающиеся двери встречного поезда.

От обиды безумно захотелось заплакать. Даже в глазах защипало. Уж сколько раз твердили миру, не кладите все деньги в одну корзину, да еще и в задний карман джинсов... Я ведь даже лица этой падлы не заметил. В полиции скажут "сам дурак", и будут правы.

Вот что этому ублюдку мои гроши, а? Я ж даже по одежде похож на оборванца или нарика! Хоть бы подавился он этими!..

Я поспешил одернуть себя. Не желай зла другим, если не

хочешь зла себе. Эта заученная мудрость последнее время мало мне помогала, потому что я-то зла не желал, а дерьма хлебнул уже сполна. Но каждый раз, ловя себя на злых пожеланиях, я суеверно думал: а вдруг станет *еще хуже*?

Я машинально поднял выпавшие бумажки и разгладил их в пальцах. Нет, выигрышного лотерейного билета или хотя бы скомканной пятисотки я не ждал. Но может хоть счастливый трамвайный билетик? С паршивой овцы хоть шерсти клок, ага.

Одна бумажка оказалась почти побелевшим безликим чеком на сиги и, кажется, минералку. Вторая была чуть более интересной, оказавшись измятой контрамарочкой на какое-то шоу.

Покрутив ее в руках и вчитавшись, я хмыкнул. “Магическое батальное шоу” – гласила приписка к названию, как его... Я еще раз прочел и скривился. “АрМАГеддон”. Безвкусный каламбур. А главное, обидная ложь. Громкое слово, одно из тех, что так любят простые смертные.

Если бы я рассказал, кем на самом деле были мои родители, никто бы не поверил, а иные еще и покрутили бы у виска. Поэтому я никогда не рассказывал. Сам себя громким словом “маг” я называть стыдился. Ибо по способностям и рядом не стоял с ними. Я был разочарованием, кажется, для всего нашего круга. Кроме самих родителей, но это мало спасало дело.

Проворонив поезд, я еще раз перечитал контрамарку.

Шоу было назначено на сегодня и начиналось примерно через полтора часа. Я сверился с адресом, картой метро и еще раз сопоставил время. Эх, была не была. Там должно быть тепло, наверное... И может даже местечко посидеть найдется. Жаль вот только, что мочиловое. Концерт фортепианной музыки был бы куда круче.

Но все-таки интересно, чем же эти позы будут изображать магию? Что на этом "магическом" шоу покажут?

... А там показали магию. Настоящую. Боевую. Магию.

***

Мне было дико интересно, что же это за люди, которые делают такое. Для обывателей магия на шоу была замаскирована под спецэффекты. Но я-то знаю, о чем говорю.

Да, кроваво, жестоко, и местами я малодушно зажмурился, чтобы не видеть этого кошмара. Но, черт побери, настоящая магия!

И как же ловко спрятана правда. На самом видном месте.

После битвы я кое-как пробрался к ресепшну, причем дважды меня едва не затоптали. С новым интересом я принялся разглядывать красочные плакаты, постеры и анонсы грядущих боев. Я очень хотел узнать все, но решиться заговорить было трудно. Вокруг толпилось слишком много народу, кто-то бронировал билеты, кто-то требовал выигрыш, кто-то, вроде, делал ставки или типа того...

Я встретился взглядом с вертлявым деловым парнем

на ресепшне, с аккуратно уложенными волосами оттенка блонд, в круглых очках с желтыми стеклами, явно чем-то покрытыми, ибо бликовали они нереально эффектно. Я всё молчал. Ждал, когда люди рассосутся. Да и понятия не имел, что я вообще скажу.

Наконец, когда у ресепшна остались стоять только три человека, которые были заняты чем-то своим, а манерный парень за стойкой в очередной раз наградил меня взглядом, я собрался и, выдохнув, сказал прямо:

– Это настоящая магия.

Фраза получилось двусмысленной, но, видно, меня с потрохами сдала интонация. Парнишка, звякнув золотой цепью на шее, резко повернулся ко мне, оправил подбитую мехом жилетку и, не меняя того делового, но, вместе с тем, насмешливого выражения лица, буднично поинтересовался:

– Опа, да ты шаришь?

– Ну, магию от спецэффектов отличить – не велика наука... – легкомысленно брякнул я.

Парень с ресепшна вальяжно облокотился на стойку и взглянул мне прямо в глаза:

– Так значит, знаешь, о чем говоришь, волшебник.

– Ой, да какой я, к черту, маг... – поспешил откреститься я.

– Что ж, по крайней мере, ответ не отрицательный, – перебив меня, протараторил он, выпрямившись. Его как раз окликнули те, что тоже стояли у ресепшна. Он что-то отве-

тил, и снова повернулся ко мне.

– А ты как, испытать свои силы не хочешь? – быстро проговорил он, параллельно принявшись листать какие-то свои журналы.

– Пф-ф, да куда мн...

– Ответ не отрицательный! Это уже хорошо! – не отрываясь, бросил тот.

– Что?! – взвыл я. – Да я вообще нет, ничего подобного!..

Я отшатнулся и уже сделал два поспешных шага к двери.

– А знаешь, сколько стоит одна битва? – заискивающе пропел лощеный ресепшанист мне вслед.

– В смысле?

– В смысле, сколько можно заработать за победу в одной битве.

Я хотел ответить, что мне неинтересно, но, сделав шаг к стойке, почему-то спросил: "сколько?"

Парень ехидно прищурился, скрестив руки на груди, наклонился ко мне и нараспев сказал:

– Тысяч во-осемдесят можно срубить за вечерок!

– Скока? – прохрипел я. – За одну битву?!

Ресепшанист, ухмыльнувшись, закивал. И добавил:

– Причем, это – минимум. За лайтовенькую драку. За бой посерьезнее и приз посолидней!

Наверное, со стороны можно было увидеть, как с монетным звоном на моих глазах выставились значки доллара. В сознании поднялась, сияя, её величество Алчность, со-

бой затмевая и задвигая куда-то далеко благоразумие, и инстинкт самосохранения заодно с ним.

– Ну-у, э-э, я не знаю... – протянул я, пытаюсь взять себя в руки. С каждым ударом сердца в ушах отдавалась звенящая пустота моих карманов. – Это же чертовски опасно...

Я видел битву. Это жесть. Правда. Это очень зрелищно, жестоко и кроваво.

– Я же слаб, как мышь. Меня там точно убьют... – просто-нап я, предпринимая последнюю попытку отговорить свою жадную до денег натуру от самоубийства. Тем не менее, мы с тем парнем оба уже прекрасно понимали, кто эту битву выигрывает. Восемьдесят тысяч...

– Ой, об этом не беспокойся. Немного допинга, и – вуаля, ты боевая машина!

– Это разве не запрещено?! – изумился я.

– Ой, не смотри на меня, как монашенка на стриптизёра! – со смехом закатил глаза ресепшенист. – У нас бои без правил, у нас ничего не запрещено.

– То есть, магические бои без правил среди накачанных допингом монстров? – уточнил я.

– Ага, – просто кивнул парень. – Ты ж сам видел!

Я молчал, стараясь убрать перекошенную гримасу с лица. Восемьдесят тысяч. Восемьдесят тысяч.

– С... Самоубийство. Безумие. Только больной на голову человек на такое подпишется... – простонал я. – Ну, что там у вас надо делать, чтобы стать этим... вашим “гладиатором”?

Парень триумфально захохотал, отчего блики на желтых стеклах мистически заиграли, совсем скрыв глаза, и, положив на стойку какие-то бумаги, придвинул их ко мне.

– Вот тебе анкета. Вот тебе согласие.

– А подписывать чем? – я морщась смотрел на бумаги, явно втягивающие меня во что-то страшное. Возможно, даже страшнее микрозайма и кредита с повышенной ставкой...

– Разве ты не знаешь, что такие вещи подписываются только кровью?

Я вздрогнул всем телом и отшатнулся. Мистические блики на стеклах погасли, и поверх очков вновь стали видны глаза. Самые обычные серые глаза. Парень с усмешкой протягивал мне ручку.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу, заставляя покраснеть, выхватил ручку и поспешил спрятать лицо волосами, наклонившись пониже. Благо отрасли мои белобрысые патлы уже порядочно.

"Согласие

Я, [фамилия имя], согласен на участие в шоу "АрМАГеддон" со всеми вытекающими последствиями.

Я уведомлен, что, принимая участие в вышеупомянутом шоу, я подвергаю опасности свою жизнь и здоровье.

Я уведомлен и согласен, что в случае моей гибели в бою или от полученных травм, ответственность несу я..."

Я нервно сглотнул, чувствуя, как предательски заметно дрожат руки.

– На самом деле, можешь пока об этом сильно не задумы-

ваться, – успокоительно проговорил парень. – Вот это ты на каждую битву подписывать будешь. Но поначалу на действительно опасные битвы тебя не только не позовут, но даже и не пустят... Реймонд тебя зовут? – Он удивленно взглянул на меня. – Что, правда?

– Правда, – устало отозвался я. – Реймонд Ренатович Загорский.

По правде говоря, я не знал, почему мои родители решили назвать меня именно так. Что хотели этим сказать или подчеркнуть... Хорошо хоть фамилия не Иванов. Быть Реймондом Ивановым в среднестатистическом российском городе было бы совсем странно.

– Хе, забавно. Меня можешь звать Гарик. Я здесь администратор. По сути, самый главный, не считая дирекции. Можешь сразу меня запомнить, я тут за всё и отвечаю: за подбор соперников, за ваши призовые, за документы, личные данные, за ставки, за билеты и ещё за кучу всего... – он обращался со мной как с мальчиком, хотя ему самому я дал бы двадцать – двадцать с небольшим. – Да, ещё псевдоним себе заполни.

Подумав, я начертил в графе “псевдоним” корявое “Рекс”. Администратор одобрительно кивнул.

– Ну чё? Когда драться? Завтра готов?

– Чт... Нет! – ужаснулся я. Господи, как всё быстро! Я не успеваю за развитием событий!

– Ладно, а на следующей неделе? Могу подыскать для тебя

окошечко.

– Ну...

– Ответ не отрицательный, ставим галочку карандашом! – Гарик черкнул что-то в один из журналов. – В какие дни ты можешь? Во все? Ты не сказал нет, я пишу, что во все. Та-ак, номер телефона... – он повернул к себе мою анкету и подписал номер в журнал, а ещё зелёным карандашом поставил на полях букву "Н". – Ну всё, мы вам перезвоним. Гуд бай.

С этими словами он развернул меня за плечи и отправил к выходу. Я бездумно сделал несколько шагов, судорожно пытаюсь осмыслить всё произошедшее.

Кажется, скоро моя жизнь кончится.

Меня вызвали в понедельник следующей недели и потребовали явиться в четверг. “Я приеду где-то в час с чем-то, и ты подтягивайся, надо тебя потестить, прежде чем на арену выпускать”, – сообщил мне Гарик. Боясь опоздать, я, забив на последнюю, самую скучную пару, примчал к 12:50. И три четверти часа протоптался у закрытых дверей, безуспешно звоня в звонок каждые пять минут. Красивая в неоновых цветах гирлянда, которой били обмотаны столбы и косяки опоры козырька, конечно скрашивала ожидание, но даже под ее перемигивание танцевать на морозе было не в кайф. В 13:35 к дверям подошел высокий мужчина с выбившимися из-под шапки каштановыми прядями.

– Мы еще закрыты, – не глядя на меня, флегматично бро-

сил он, отпирая двери. – Вход для гостей открывается за час до начала боев, то есть, в 4 часа...

Его уверенный безэмоциональный тон заставил меня на какое-то время оцепенеть, но когда он почти скрылся за дверью, я отмер и закричал:

– Подождите! Но мне администратор сказал...

– А-а, так ты новенький? – голос мужчины потеплел, он посторонился и кивнул мне заходить. – А что ж ты так рано приперся?

– Мне сказали... – обиженно проговорил я.

– Кто? Гарик? Он может. Если он говорит в час с чем-то, то скорее всего имеет в виду час и пятьдесят девять минут. Привыкай. Я Тим, маг-врач. Мы с тобой еще много наобщаемся.

Последнее прозвучало более устрашающе, чем обнадеживающе.

Тим ошибся с прогнозом ровно на семь минут. Администратор зашел в здание в 13:52, медленно потягивая что-то дымящееся из стаканчика известной кофейни. Так легко одетый, и такой аккуратный и лощеный, все в тех же мистически бликующих очках, словно прибыл на личном лимузине. Уж никак не на метро.

– Ты опоздал, – бросил медик.

Гарик глянул на часы и ответил.

– Во-первых, начальство не опаздывает, начальство задерживается. Во-вторых – 13:52 это все еще час с чем-то.

Тим усмехнулся.

– Новичок-то тебя час у дверей ждал.

– Та-а-ак ему сочувствую, – Гарик демонстративно потянулся, поставил стакан на стол и завернул в гардероб за стойкой. Оставив там куртку, вернулся, взял напиток и велел мне:

– Ну пойдем посмотрим, чего ты стоишь.

Сначала с меня скучно снимали какие-то медицинские и физические показания, брали кровь, потом делали инъекции и проверяли показания заново. После Тим кивнул внимательно следившему за процедурами Гарику, и я понял, что таможня дала добро.

Мне стало еще страшнее, но Гарик успокоил меня, заверив, что драться я буду с пареньком моего уровня. Потом пара взрослых бойцов, пафосно называемых на шоу гладиаторами, провели инструктаж, сводящийся преимущественно к тому, что, что бы я ни делал магией – это должно быть зрелищно. А после мне и вовсе что-то вкололи, и я на какое-то время перестал слышать паскудный голосок страха, уверяющий, что я ничего не смогу.

...Мне не соврали, когда говорили, что самый страшный – первый раз. Причём только вначале. Когда тебя подстегивает адреналин и допинг, ты выходишь за пределы своих возможностей, становится скорее весело и азартно.

Наверное, впервые в жизни я дрался так. С дурной радостью и боевым ражем. В лучах прожекторов, в свете софи-

тов. С чувством могущества...

Свою первую битву я выиграл. Странная смесь страха и ярости, восторга и драйва. Словно размытые за мерцающей пеленой защитного купола трибуны, яркий блеск разноцветных огней, восторженный гомон зрителей и вещание комментатора. И мигающее на большом табло бесценное “Rex wins”.

В феерии огней и красок я плохо запомнил и едва ли мог воспроизвести детали самой драки, но вот эмоции вьелись в память намертво. Я впервые попробовал наркотик под названием “Победа”. И понял, что дальше без него не смогу.

С того дня началась моя новая жизнь. С деньгами. Славой. И верой в себя.

...Радость победы омрачал только тяжелый отходняк после битвы под допингом на пределе сил.

Плата по счетам

После второй успешной битвы Гарик поручил мне продумать имидж, а за два дня до третьей вызвал на Армагеддон и привел ко мне очень яркую личность.

– Знакомься, это Бони, наша стилистка! Бони, это Рекс, ему нужно создать образ, а то при виде него люди паникуют, что случайно зашли на эмо-вечеринку.

Бони хохотнула, а я обиженно надул губы и заправил челку за ухо.

– А ты выглядишь как петух! – запоздало бросил я ему вслед, когда тот уже скрылся за дверью.

– Спасибо! Это и есть мой сценический образ! – со смехом отозвался администратор из коридора.

Бони представляла из себя девицу с кислотно-желтым ежиком, тоннелями в ушах и ультрамариновыми тенями на веках, одетая по яркости под стать шоу. Встретив такую на улице я, наверное изумился бы безвкусию, но здесь, на Армагеддоне она смотрелась удивительно органично. Комплекции она была не хрупкой, может даже пышноватой, но ей шло. На вид я дал бы ей примерно от 18 до 30 лет, и не удивился бы ни одной цифре из этого диапазона.

– Ну что, Рекс, каковы будут пожелания?

– Ну... – я внимательно посмотрел в зеркало, на свою “эмовскую” прическу что вкупе с голубыми глазами очень пошла бы музыканту... Музыканту, которым мне уже не стать. – Я бы хотел сбритый висок и... А мы сможем покрасить мне волосы в зеленый и фиолетовый?

Бони улыбнулась, показав зубы и аккуратный пирсинг на языке. Кажется, мой выбор она одобрила.

Бони была шестым человеком, с которым я познакомился на шоу. Ну точнее, четвертым. После вертлявого и манерного Гарика, вечно флегматичного Тима и его коллеги-врача Брэдли, обычного на вид мужчины с каштановым ежиком. С двумя же своими соперниками я был знаком очень мало. Первого я даже не особо запомнил, будучи в шоке от драки и первой победы. И не уверен, что встречался с ним после. Второй же, тоже новичок вроде меня, проиграв и отплевываясь от крови, пожелал мне сдохнуть. Поэтому, увидев его на Армагеддоне через неделю, я был почти готов бежать. Однако парень лишь приветливо махнул мне. Светло-русый, с овальным лицом. И не очень аккуратным шрамом, изогнутым, от левой скулы, пересекающим глаз и бровь. Но явно застарелым и походившим на след несчастного случая из дет-

ства, а не на боевое ранение. Кажется, кто-то при мне называл его Эйри.

Я, кажется, уже понял что-то про Армагеддон. Его огромным достоинством было то, что даже будучи врагами на ринге, вы могли быть товарищами по жизни. И многие были. Армагеддон будто был напрочь лишен лицемерной грязи, собственной модельным агентствам, эстраде, театрам и т.п. Где на подиуме или сцене вы друзья-подружки, а внутри – тонете в подковерных интригах, лжи за спиной, кознях с кнопками в обуви, слабительным, подкупам и прочей грязью. Чтобы подложить свинью соперникам и чтобы, скажем, какой-нибудь Большой Директор выбрал именно вас... А на Армагеддоне все было скорее наоборот. И это было чертовски круто.

По результатам работы Бони оказалось, что зелено-фиолетовый мне идет. Примерно также, как самой Бони – желтый с ультрамарином – броско, безмерно смело, но почему-то невероятно хорошо в сочетании с неоном и софитами. На третью битву я выходил в новом, незабываемом образе. Шоу привыкало к новому бойцу. Гладиатор Рекс работал на узнаваемость. И в тот день я взял очередную победу, окончательно уверившись в своих силах.

Правда, мне выбили два верхних передних резца. И нужно было время, чтобы они восстановились.

После трех выигранных битв я уже мог оценить многие прелести статуса Гладиатора. В ответ на успех шоу щедро награждало своих бойцов.

Деньги. Огромные, черт возьми, деньги. За три победные битвы я срубил столько, что без проблем оплатил жильё, начал отдавать долги и вообще жить по-человечески. Ушли в прошлое дни, когда я ночевал под открытым небом, укрываясь от дождя или снега одною лишь курткой, когда ходил по буфетам в поисках чьего-нибудь недопитого чая или хлебной корки, когда на каждом шагу боялся, что меня убьют за долги, когда неделями выживал без сна на одном кофе и сахаре, впахивая ночи и дни... В мою жизнь пришли деньги и комфорт. Это первое.

Второе, это статус. Именуемые гладиаторами пользуются особым статусом в обществе. Особенно – в теневой его части.

Коллекторы отказались покупать мой кредит, а по вопросам первых займов стали гораздо тактичнее. Я перестал бояться, что меня убьют – теперь теневая сторона общества боялась меня. Мне даже удалось сбить некоторые проценты и начать гасить долги.

Третье и очень важное – я научился держать удар. Я узнал, что я сильнее, чем я думаю. И сильнее, чем мне всегда твердили. Что я могу сражаться, что я – не соплик с мышинными

способностями. Я стал смелее, потому что теперь знал, что чего-то да стою. Мне хотелось сорваться с цепи. И вкусить очень, очень сладкую месть.

Дядюшку Антона я встретил, когда отошел от третьей битвы. Опыта хватало. Уверенности было уже через край, злобы и подавно. А главное – я не хотел бы, чтобы добрый дядюшка Антон прознал, кто я теперь. И потому не желал тянуть.

Я сам попался и позволил ему выследить меня. Добрый дядюшка не знал, что нынче жертва и охотник поменялись ролями. О-о, как он был рад загнать меня в тупик! И – о-о-о! – как рад был я.

Этой ночью Мышонок собирался показать дядюшке Крысу отросшие клычки.

С добрым дядюшкой Антоном были двое парней. Он нередко брал с собой кого-то, кто мог поддержать меня в вертикальном положении, если я слишком быстро сдавался, и он не успевал наиграться.

Сначала он даже не понял, что что-то изменилось... А потом я показал зубки.

Я очень быстро расшвырял его парней; поняв, что всё серьёзнее, чем им обещали, парни поспешили трусливо сбежать. Мне они были даром не нужны, и я охотно отпустил их.

А вот дяде я не мог позволить уйти... Ох, как воодушевлял этот ужас в его глазах. Может быть, он даже видел нового гладиатора Рекса, вот только не узнал в нем сопливого плак-

су-племянничка. И тем приятнее было вкусить эту месть. Я его “покусал”. Самоуверенного старого ублюдка. Впервые за все годы нашего неприятного знакомства.

Вишенкой на торте, я забрал у него медальон с двадцатью восемью его зарубками. И, по диагонали перечеркнув последнюю, сказал: “Начинаем обратный отсчет. Двадцать семь”.

Ужас в его глазах стал еще сильнее. Я уходил, оставив его, такого красивого и солидного крыса, плевать кровью на асфальте в обоссаном переулке. И осознавать, что наш разговор неокончен.

Это было преступное, злое, но сильное удовольствие. Хотелось повторить.

...На Армагеддоне мой вдохновенный рассказ восприняли холодно и неободрительно. Гарик морщился, качая головой, Бони всю дорогу сидела с кислым лицом, так выразительно глядя на меня, будто с немим вопросом “Неужели правда?”. И тогда ещё едва знакомый мне гладиатор по прозвищу Крушитель подал голос:

– Это какая-то лажа, парень, то, что ты придумал. Неужели ты выбрал стать таким же как он?

– Но я...

– Ты ведь собрался сделать ровно то, за что сам ненавидел этого человека. Ты собрался перенять именно то, от чего тебя воротит. Ты презираешь его... Но почему-то собираешь-

ся пойти его путем...

Я молчал. А Крушитель, суровый крепкий мужчина с угловатым лицом, стриженный почти под ноль, проговорил:

– Не становись такой же сволочью, Рэй. Я верю, что ты не такой.

Тем же вечером я выковырял из треклятого медальона мамину фотографию, а сам медальон с гнусными зарубками утопил в Москве-реке.

И это было четвертым. Мне помогли не свернуть не туда. Это шоу для меня стало настоящей школой жизни. И не надо восклицать: “ах, чему же может научить человека жесточайшее батальное шоу своего времени?!” Многому. Многому хорошему.

Ах да, и в-пятых. Гарик научил меня говорить “дурила”.

Свою четвертую битву я проиграл. Проиграл ужасно, больно и позорно. Ставившие на меня возмущенно орали у ресепшна, я слышал. В сети, на странице Армагеддона к анонсу посыпались гневные комментарии от десятков людей.

Первый проигрыш после трех побед подряд.

И соперник-то главное моего ранга. Еще и новичок сопливый! Какой-то щегол с девчачьей кличкой Сэнди. О-ох, сколько срубили те безумцы, кто ставил на него!..

Увы. Армагеддон столь же щедр к победителям, сколько безжалостен к проигравшим. Ты многое теряешь, и ничего не получаешь взамен, кроме утешительной награды в виде

боли и позора.

Медпомощь – только базовая, чтоб не помер. Либо за деньги. За столько, сколько и должна стоить медпомощь такого класса. Я ничего не отложил с прошлых побед, а “за участие” Армагеддон не платит.

И никакой жалости и поддержки. Только жестокие подколы и стеб.

Я помню, как я стоял, дрожа и пошатываясь, в холле, и Гарик издевательским тоном напоминал, что мне ничего не положено, но великодушный Сэнди согласился кинуть пять копеечек на зеленку, пластырь и такси проигравшему. Мне тогда казалось, что надо мной смеются все, я душил рыдания всё с большим и с большим трудом. И когда Гарик заметил это, он с театральным испугом воскликнул:

– О, боже! Рей! Ты плачешь? Нет, нет, не плачь, ради всего святого! Я ж под трибунал попаду: бабу на ринг выпустил!

Я развернулся и поспешил уйти. На крыльце входа для персонала силы меня оставили, и я сполз по косяку на ступеньки. Было холодно. От мерцания гирлянды болели глаза. От слез неприятно щипало лицо. Горела разбитая бровь и ссаженная скула, а когда я вытер лицо рукой – с новой силой защипали и сбитые костяшки.

– Рэй? – тихо окликнул кто-то сзади.

– Уходи, – выдавил я, стараясь скрыть звенящие в голосе слезы.

Вместо этого человек сел рядом и осторожно похлопал

меня по плечу. Рослый, накаченный, бритоголовый. Крушитель. Он же – Вадик.

– На войне как на войне, Рэй, – мягко сказал он. – Нельзя все время побеждать.

Стало совсем больно, и я уткнулся лицом в ноющие колени, вздрагивая от каждого всхлипа.

Вадик молча накинул мне на плечи теплую кофту.

– Каж...кажется, я не создан для этого шоу... Мне лучше уйти.

– О-о, и это говорит мне мальчик, с тремя победами против одного поражения? У меня, когда я начал, статистика была в разы хуже! Вдумайся, уделал троих соперников. И кто недавно утер нос дядьке магу?

– Не напоминай, – проскулил я. Чем больше проходило времени, тем жарче становился стыд от той жажды крови и наслаждения чужими муками.

– Ты на людей внимания не обращай. Они тут чумные, особенно когда деньги теряют, – мне показалось, что Вадим хотел еще что-то сказать, но не стал.

– Гарик только рад моему проигрышу.

– У Гарика работа такая. Радоваться победе. Не важно чьей.

– А теперь он еще и на смех поднимать меня будет при любом удобном случае...

– С него станется, – почему-то посмеялся Крушитель. – Знаешь, какая у меня по жизни фамилия.

Я не понял, к чему это, но с интересом на него посмотрел.

– Кабачков. Ты представляешь? Вадим – Крушитель Кабачков, имечко что надо! Гарик как записал, как я назвался, да как прочел вслух – ржал часа три. И до сих пор стебет регулярно.

Я не сдержался и тоже хихикнул.

– Такси тебе, кстати, вызвали. Хочешь, провожу? А то мало ли, отходняком в дороге накроет, будет не сладко...

Я бессильно кивнул.

– Ну что, вернешься еще на шоу? – заискивающе спросил Вадик.

Я опустил голову и чуть пожал плечами. Мне не хотелось говорить да, но я не знал, стоит ли говорить нет.

– Я подумаю, – тихо проговорил я. – Я подумаю.

Я все-таки вернулся. Еще много-много раз.

На войне как на войне

С того переломного дня, когда я стал гладиатором, прошло больше года. Был холодный унылый февраль, и я месил снег от остановки до универа, кутаясь в холодную куртку. Да уж, время идет, а я... одеваться по погоде так и не научился.

Вообще-то, семестр начался давно, недели три назад. Но начало года у меня выдалось насыщенным на битвы, не до того было... Половину сессии как-то сдал, уже неплохо.

В универ безумно не хотелось. Тем более по такой погоде. Еще и соседи с утра настроение испортили своими вечными

претензиями и угрозами выселения... Но сегодня в университетской программе обещали матан. И я решил: ради матана – надо.

Январь выдался непростым, но веселым, я вписался аж в три битвы. Одна из них, правда, была “халтурка”, но в зачет все идет.

Вот с гладиатором по кличке Дэрил в самом начале года битва была сурова. Дэр, высокий крепкий, но не перекачанный мужчина, темноволосый, с прямым пробором – очень сильный маг и боец в целом. Его битвы, как правило, попадают в секцию “хард”. Я делал ставку на то, что в начале января большинство населения нашей страны вялое и малобоеспособное, а я хорошо подготовлен. Но прогадал. Дэрил был убежденным ЗОЖ-ником, и праздники его нисколько не подкосили. Такой волк оказался мне не по зубам.

Через пару недель, немного оправившись, я и взял халтурку – тестил субтильного новичка по прозвищу Сюифи за 70 тысяч. Для него это была вторая битва, для меня... где-то записано, я уже не считаю.

Для новичков система такова. Первая драка обычно с примерно равным по силе молодым. Второй раз новенькому можно биться уже не только с коллегой, но и с кем-то посильнее. Ясно, что шанс выиграть невелик. Но они хоть набираются опыта, сражаясь с более сильными бойцами. Им опыт, нам – легкая денежка. И силу их мы оценим. Да и чем черт не шутит – и бывалые иногда допускают фатальные ошибки.

Оценка стоимости битвы вопрос не простой. Цена зависит от шанса выиграть в ней и определяется индивидуально для каждого. То есть, за одну и ту же битву я и мой соперник можем получить в случае победы совершенно разные деньги. Если у него шанс победить выше, то я могу срубить больше денег с этой битвы, чем срубил бы он при победе. Плюс к предположительной базовой стоимости идут надбавки за зрелищность, ставки зрителей и прочая мишура, в которую я предпочитаю не вдаваться, веря Гарику и кассе на слово. А еще иногда битва попадает в какую-либо номинацию, например, “самая зрелищная битва сезона”, за это тоже идут плюсики. К тому же, победитель “за счет заведения” получает профессиональную медпомощь с магическим уклоном, а это вам не коленку заклеить пластырем в ближайшем травмпункте...

После драки с новичком, в самом конце месяца, я сражался с ещё одним гладиатором, тем самым Эйри, которого уделал в начале карьеры. Вот это был настоящий жесткач. Я, конечно, за год с лишним поднаторел, ну так и Эйри на месте не стоял. Дрались как бойцовские собаки, ей-богу. Я победил, конечно, но на экзамены ходил с двумя поломанными пальцами правой руки и не всеми целыми ребрами. А мое лицо было процентов на 90 покрыто тональником, потому как ходить в институт с “разукрашенной мордой” – моветон.

Моветоном, конечно, считается и ходить с выбитыми зубами, особенно, если это два верхних передних резца. Но я

искренне забодался их вставлять. Их били на раз-два, даже с защитным щитком. После того, как их выбили в шестой (! – я упорный, да) раз, я отказался и решил сделать это своей фишкой. В целом, я прекрасно обхожусь оставшимися тридцатью. Кусать научился боком, улыбаться – мило поджимая губы.

Зато моя беззубая улыбка вкупе с зелено-фиолетовой башкой – визитка покруче клубной карты бойца! А шрам поперек левой брови дополняет мой имидж. Тот самый, с первого проигрыша.

О нем я теперь вспоминаю скорее с теплом. И немного с юмором. Постепенно наступает такое обесценивание поражений. Просто понимаешь, что это часть жизни. Все проигрывают, что уж там. Даже такой флагман, как Тоби. Чем больше поражений, тем спокойнее их воспринимаешь. Выползаешь с поля боя весь в кровище, а тебе с ресепшна: “А-а, продул! Лу-узер!” И оба ржете. Смешно же! Да и в медпомощи бывалым не отказывают.

Нерасчищенная дорога завершилась ступеньками здания. Наконец-то! Ноги уже ныли снег мутузить.

Я решил основательно подкопить, чтобы закрыть наконец злосчастный кредит и взяться за замороженный микрозайм, и в середине февраля сражался с Верту. Парень на год младше меня, с ультрамариновым ирокезом. Быдловатый, умом не блещет, но в целом неплохой пацан. Душевный. И как боец неплох.

Я его победил, но теперь опять ходил с бинтованными руками, тоналкой и в черных очках.

Меня еле-еле пропустили на охране по студенческому, на который я давным давно не был похож, и я зашел в аудиторию даже без опоздания. Хорошо, люди в чатике группы

добрые. Какой-то милый челик с котиком на аватарке вывесил расписание.

Вошла толстая тётка в платье-мешке с лавандовым мочалом на голове. Вспомнив ее, я мысленно застонал. Надо было идти ко второй... Это была наша преподавательница по какой-то там экономике, жутко скучная и склочная.

Началась переключка. Назвали всех, кроме Рэймонда Загорского.

– Вы меня не называли! – обратился к экономичке я со своей последней парты. Зря приходил, что ли?

Женщина, презрительно сощурившись, посмотрела на меня сквозь узкие очёчки и изрекла:

– А-а, вы, я полагаю, мифический Загорский?

– Он самый, – буркнул я.

С прошлого семестра же знакомы. Или у неё память не дольше недели?

Экономичка, более не обращая на меня внимания, принялась нудно что-то объяснять. Всю пару я дремал, делая вид, что слушаю.

Хорошо хоть, следующей парой была математика. Преподаватель по математике был самым лучшим преподавателем во всём институте. Я вообще люблю таких людей, которые и умные, и понимающие, и с юмором. Кроме того, математик был единственным из моих знакомых преподавателей фанатом “АрМАГеддона”. Меня он знал ещё и как Рекса, и поэтому, в частности, относился ко мне очень положительно.

Он был единственным, при ком я мог позволить себе улыбаться во все зубы, если ко мне вообще применимо такое выражение.

Хотя, помнится, у нас на втором курсе была тетенька-лингвистка, которая души во мне не чаяла. Стоило мне появиться, подсесть к ней поближе на первую парту, и мило улыбнуться, поджимая губы, и она, едва не тая от умиления, рисовала мне “пятёрочки” за красивые голубые очи. А немного поговорить за жизнь – и автомат был обеспечен всей группе... Так что, эти засранцы мне ещё и обязаны!

Перерыв закончился, и будто по часам, минута в минуту зашёл в кабинет математик. Я сразу приветственно помахал ему рукой и крикнул:

– Здравсте, Павел Афанасич!

– Реймонд! Какие люди! – улыбнулся он, кивнув группе присаживаться. – Чему обязаны чести вас лицезреть?

– Я тут слышал краем уха, что у вас сегодня контрольная работа, – с улыбкой ответил я.

– А вы к ней готовы? – поинтересовался математик.

– Вероятно, нет. Но попробовать-то стоит, – бодро ответил я и, усмехнувшись, добавил. – По крайней мере, про халифат на этот раз писать не буду!

Математик расхохотался. Это была притча из предыдущего семестра. Я как-то раз на контрольную по основам статистики пришел на следующий день после битвы. В теоретической части нужно было ответить что-то про дисперсию,

я не соображал совсем и выстроил примерно такую логическую цепочку: “Дисперсия... Дис-пер-си-я... Хм, Персия. Это где-то на востоке...”

А потом математик, проверяя работы, смеясь в кулак и утирая слезы, сказал, что ответ у меня хороший, конечно, но контрольную придется переписывать. На мой вопрос “почему?” он объяснил, что, при всем желании, не может зачесть за матстатистику политические системы восточных государств.

Едва математик раздал нам контрольные работы и листочки, в кабинет вошла смурная женщина в бордовой кофте.

– Павел Афанасьевич, зайдите на собрание кафедры, пожалуйста.

– Сейчас? – удивился он.

– Да, сейчас. С вашими студентами я посижу.

– Хорошо, – вздохнул он и вышел.

Женщина села за стол. Я достал телефон и глянул время. И тут она как заорет:

– Молодой человек на галерке! Вот вы, с зелёными волосами! Мы не пользуемся телефонами на контрольной!

– Я время посмотрел, – огрызнулся я.

– Вот часы перед вами! – взвизгнула она, указав на часы над дверью.

– Они стоят!

– Вы со мной спорить будете!? – завопила тетка ещё истеричнее. – Пересядьте на первую парту и телефон мне на

стол!

Я не шевельнулся, с вызовом глядя на нее.

– Ну же, я жду!

Черт, придется все-таки. Ну не люблю я первые парты, если только мне не ставят за это автомат! Тем более на них всегда сидит этот высокомерный заучка, Вениамин, или как его там... Лениво подхватив свои вещи, я со стуком опустив свой телефон с живописно битым экраном на преподавательский стол и сел на первую парту. Рядом с заучкой.

– В институт как на дискотеку ходят! – не утихала тетка.

Я молча закатил глаза. Скажите спасибо, что ваш мифический Загорский – который платит вовсе не мифическую кучу денег за будущие корочки, которыми подопрет стол – вообще пришел. Благодаря таким как я у института есть возможность обучать бюджетников – надежду страны нашей!

Мы просидели так кажется ещё минут пятнадцать-двадцать. Потом скандальную преподшу кто-то позвал, и она вышла.

Я покосился на отличника слева. Вениамин (а может Виталий?), человек действительно умный, но вредный, как черт, самоуверенный и высокомерный. Называет себя “фламаном нашей посредственной группы”. А проблемки-то бытовые не чужды. Вот сегодня на перерыве хвастался, что через хозяина выселил из съемной квартиры соседа-дебошира, и теперь ищет нового соседа.

...Эх, жаль, производные надо было повторить. Как назло,

попалась единственная, которую не помню.

Я вновь покосился на соседа. Тот что-то остервенело писал, временами экспрессивно зачеркивая. Вот он, истинный гений за работой.

– Эй, – едва слышно позвал я. Собеседник проигнорировал. – Вениамин, – позвал я чуть громче еще и пододвинулся, пользуясь случаем.

Парень недовольно поднял глаза, но на меня не посмотрел.

– Велимир. Чего тебе?

– Скажи, пожалуйста, производную от...

– Не скажу, – огрызнулся тот – Не видишь, я своё решаю!

У меня у самого вон не сходится.

Я внимательно посмотрел в его записи, и мне прямо сразу бросилась в глаза ошибка.

– Да потому что ты дифференцируешь вместо того чтобы интегрировать, дурила! – рявкнул я и отодвинулся. Надо было видеть его лицо...

– Ай, блин, точно... Бли-ин!.. – он изумленно посмотрел на меня. – А ты что-то понимаешь, да?..

– А ты думал, я совсем кретин? – огрызнулся я, вперившись в свой листок. Может, если выпишу всю табличку производных, и забытая вспомнится...

Велимир все косился нерешительно в мою сторону. И наконец нерешительно открыл рот:

– А какую про...

Скрипнула дверь, и мы оба синхронно сделали вид, что никогда не были знакомы. Но вернулся, к счастью, наш добрый математик. Он грустно посмотрел на меня и сказал:

– Не стоит ссориться с завкафедрой, Рей...

– Она невменяемая, – буркнул я, спешно царапая бумагу почти исписавшейся ручкой. – Она мне советовала время по стоящим часам смотреть.

Павел Афанасич усмехнулся.

– Ладно, сдавайте свои каракули, – обратился он уже ко всем. Тут же послышались возмущения и жалобы, что “мы не успели” на все лады. Математик посмеялся и сказал:

– Да ладно вам, что вы заморачиваетесь? Все равно потом нормальная работа будет только у одного человека, – и посмотрел на Велимира.

– Причем, это буду я! – вставил я и согнулся от смеха.

Шутку мог понять только математик, сухо засмеявшийся в кулак. Ведь это был специфический юмор. У меня-то уже была нормальная работа.

Третью пару, какой-то там сучищный факультатив я решил не посещать. И так две пары сразу, нагрузка должна увеличиваться постепенно. Поэтому я поехал на шоу. Не драться, разумеется, я ещё не “зализал” прошлые раны.

Армагеддон располагался не очень-то близко к метро, да еще и прятался в каких-то закоулках, до которых не ходили трамваи и автобусы, поэтому помесить снег пришлось вновь.

Но вот я наконец увидел милую сердцу гирлянду, обвива-

ющую железки под козырьком. И зашел в родное, пахнущее боем, азартом и чипсиками здание.

У ресепшна терся Сюифи. Пацаненок молодой, черно-волосый, коротко стриженный, обожает жилетки. Боевой имидж себе выбрал нестандартный, с элементами древнего Египта. Даже татуха с кошачьей грацией на плече есть. Стилненько. Подойдя к стойке, я нахально отпихнул парнишку ладонью по лицу:

– Прочь, молокосос!

– Э-э-э! Обалдел?.. – шутливо огрызнулся тот еще не сложившимся юношеским голосом. Конечно Сюифи знал, что я шучу. У нас на Армагеддоне друг к другу относились хорошо. Это на ринге мы враги, готовые порвать друг друга в клочья. А так... Можно сказать, товарищи по интересам. Многие здесь реально были друзьями. Правда, однажды я попытался задружиться с Тайфуном, но он меня послал. А потом и вовсе порвал на ринге как Тузик грелку... Хотя друг с другом эти события не связаны.

Я облокотился на стойку, заняв место Сюифи.

– Чё, X-Ray, мало огрёб от Верту? – не отрываясь от монитора, усмехнулся Гарик, используя мое неофициальное прозвище.

Он ничуть не изменился за год. Только жилетки, рубашки и прочую одежду менял по настроению. С все той же безупречной укладкой и маленьким чуть заметным шрамом на виске – шрамом от плойки, весьма популярной темой шу-

ток, как единственный шрам ключевого небоевого персонажа шоу. И, как я уже узнал, администратор вовсе не блондин, а обычный русый, а волосы регулярно осветляет у Бони, когда отрастают корни. Он деловито что-то набирал на компьютере левой рукой, а правой периодически залезал в пачку чипсов с солью – изысканная классика, неиспорченная синтетическими вкусами – и аристократично, двумя пальчиками, доставал по чипсинке.

– Пришёл за новой дракой? – осведомился он.

– Не-ет, увольте! Не сегодня. Но Верту, прошу заметить, ореб больше! Угостишь чипсиками?

Администратор кивнул, зачерпнул горсть побольше – целых три кругляша и одну ломаную – отправил в рот, вытер пальцы о предупредительно подготовленную антисептическую салфетку и протянул пакет с картошкой мне. И все это, не переставая печатать. Я знал, что могу пачку не возвращать.

– Спасибо! – я тотчас отправил в рот несколько кружочков и на всякий случай предложил администратору взять еще.

– Забирай, – поморщился он. – Я после твоих грязных лап в нее уже не полезу.

– Пофмотрите, какой бвезгливый, – с издевкой протянул я.

– Ты прожуй, потом болтай, – фыркнул Гарик.

Его манерность сочеталась с внутренней силой человека, способного заправлять шоу, примерно так же хорошо, как мои голубые глаза с крашенными волосами или яркий синий мэйк с вырвиглазно-желтыми волосами Бони.

По какой-то причине у Гарика были своеобразные отношения с пищей, и есть он мог далеко не все. Но чипсики признавались главным врачом шоу Тимом условно полезной едой, потому, что это по крайней мере была хоть какая-то еда.

По всей видимости, основу рациона Гарика составляла

моментальная овсянка, яблоки, чипсики, горячий шоколад, иногда энергетики и, вероятно, азарт и души молодых бойцов, ибо выглядел администратор примерно моим ровесником, а работал явно не меньше пары лет, и что-то подсказывало мне, что первокурсника вряд ли взяли бы администрировать такое шоу. Мне казалось, что когда-то он еще пил чай, но теперь я подобного не замечал.

Сюифи, наконец, потеснил меня и встал к стойке. Заодно ненавязчиво влез в пачку и черпнул свою – отнюдь не аристократическую – горсть.

– Так с кем лучше драться в итоге?.. – с восторженным энтузиазмом юнги спросил он администратора. – Рекс, ну почему ты не дерешься? Я требую реванш!

– Пф-ф, допингом травиться за семьдесят тысяч? Больно надо, – усмехнулся я.

– Я выиграл свою третью битву! Я теперь дороже стою!

– Всё равно ты сопляк, – ехидно заметил я. – Когда наберёшься опыта, тогда и поговорим о реванше...

– Да оба вы сопляки, – Крушитель беспардонно сгрёб в охапку нас обоих и отодвинул от стойки. – Гарик, есть свободные битвы?

Мы с Сюифи оба с возмущением принялись отпихивать нахала от стойки. Аккуратно, чтобы не просыпать чипсики. Началась возня.

– Так! – прикрикнул на нас Гарик дежурно, почти скучающе. – Ресепшн небоевая зона. Тут гражданские не-маги, никаких боев здесь!

– Не-маг здесь ты один! – ехидно выкрикнул Сюифи.

– Это дела не меняет! Администратор неприкосновен!

Мы с Кру, усмехнувшись, подошли к стойке; он принялся листать каталог свободных битв, что так и не долистал Сюифи.

Армагеддон вызывал у меня стойкие ассоциации, ведущие к четырем всадникам Апокалипсиса.

Гарик, несмотря на свою миловидность и внешнюю хрупкость, несомненно был Войной. Ведь именно его руки держали штурвал Армагеддона, именно его слушалась орда накачанных дядек с магическим даром. То, как он управлялся с шоу, целой сворой бойцов и ордой зрителей, как мог заставить заткнуться практически кого угодно, стукнув кулаком по столу, и конечно же то, как искренне и кровожадно любил кровь и азарт... Все это говорило в пользу Войны. Даже при том, что Гарик был совсем не бойцом, никто не вязался с этим образом лучше него.

– А у меня, кстати, если я сейчас следующую драку выиграю, будет статистика, как у Рекса за первые четыре битвы – 0,75! – заметил азартно Сюифи.

– А у тебя фанаты среди новичков! – усмехнулся Гарик.

– Ох уж эта популярность... – с придыханием простонал я, приложил руку ко лбу.

И тут, совсем не в шутку толкнув нас в разные стороны, подошедший Тоби стукнул по стойке кулаком.

– Что по моей заявке!? Она висит уже три дня!

– Пока желающих нет, Тоби, – вежливо ответил Гарик, мигом посерьёзнев и наконец-то подняв глаза от работы.

– Можешь мне объяснить? Разве не в твои обязанности входит подбор соперников?!

– В мои. Но сражаться с тобой в данный момент никто не

готов. Жди. Три дня это не крайний срок.

– А ты не мог бы работать лучше?! – Тоби отпихнул журнал на самый край стойки и схватил администратора за воротник, вынудив встать и даже приподняться на цыпочки.

Гарик, не меняя флегматичного выражения лица, нажал “тревожную кнопку” под столом. Включилась сигнализация. Сигналка была лишь шумовым сопровождением и служила для привлечения внимания самих бойцов. “АрМАГеддон” был вне закона и не имел связи с полицией. Тем не менее, Тоби разжал кулак. Гарик отключил сигналку. Из ближайших коридоров показались ещё несколько наших.

– Я жду соперника, – бросил Тоби и повернул к выходу.

Гарик, как ни в чём не бывало, оправил жилетку и пододвинул журнал на прежнее место перед Кру с дежурной заискивающей улыбкой.

– Вот это выдержка у тебя! – косясь на Тобину спину, прошептал ссутулившийся Сюифи.

– Я называю это стрессоустойчивость, – сказал Кру, проведив агрессивного бойца взглядом. И махнув, пошел в коридор в сторону холла.

Гарик усмехнулся и пожал плечами, мол а как иначе.

– Пойду глотну горячего шоколада, пока все спокойно, – буднично сообщил он, достав из ящика на замке свою безупречно чистую кружку. Я привычно усмехнулся и не удержался от шуточки:

– Это ж как надо дорожить кружкой, чтобы запирать ее в

сейф? Бриллианты в ней прячешь?

Администратор лишь загадочно улыбнулся, намекая, что секрет драгоценной кружки раскрывать не собирается. А потом в шутку поинтересовался:

– Никто, кстати, не хочет с Тоби-то подраться? Не боец – мечта!

– Мы бы с радостью, – ответил я. – *“Но помирать нам рановато,*

Есть у нас ещё дома дела!”

В моем видении концепции всадников, Тоби был голод. Вечно жадный до битв и до крови. Вечно голодный, без ее солоноватого вкуса на губах... И сожравший с потрохами жизнь уже десятка бойцов. Но Тоби был нужен машине шоу. Его жестокость и кровожадность приносили огромные кассовые сборы.

Место Чумы для меня делили двое чумовых докторов. Мастеров, что могли вытащить с того света практически кого угодно. Образ Чумы в призме шоу выходил и близко не типичный, но мне он нравился.

Единственное, четвертого всадника в моей системе мира я никак не мог опознать. На роль Смерти больше или меньше подходили все бойцы, но никто из них не был особенным. Можно было бы натянуть образ на Тоби, но тот уже был Голодом, и Голодом он был больше. И он не был особенным. Он мог взять лишь количеством, а это не критерий для истинной смерти.

В этот вечер на висящую заявку Тоби никто не откликнулся. Все предпочли скучные и негеройские “дела дома”.

Моим “домом”, к слову, была очередная съёмная квартира. Далеко не первая. И, как сегодня выяснилось, не последняя. Когда я вернулся, позвонил в звонок, мне вышвырнули сумку с моими вещами и торопливо захлопнули дверь.

– Э-э! Какого чёрта!? – закричал я, опустив пойманную на лету сумку на пол и бросаясь к закрывающейся двери. Не успел. – Я же погасил долг за ноябрь-декабрь-январь!

– Тебе сто раз говорили, что ты платишь вперёд, причём сразу за полгода! А ты даже за февраль ещё не заплатил!

– Без проблем, заплачу!..

– Уже не надо! Хозяин сказал, что больше тебя здесь держать не будет! Ты не платишь, раз! С тобой постоянно какие-то проблемы, это два! Ты вечно куда-то пропадаешь и являешься в чёрт знает каком состоянии – это три!

Я отпустил ручку непреклонной двери и бессильно зарычал.

– Хоть учебники мои выкиньте! – крикнул я отчаянно.

Дверь открылась и мне кинули пакет с книжками и тетрадями.

– Спасибо, что не с балкона! – огрызнулся я и, сев прямо на подъездный пол, принялся проверять свои вещи. Особо ценного у меня не было в принципе, документы и деньги я носил с собой, тщательно пряча. В целом, все мои скромные

пожитки были на месте. – Ничего, я ещё завтра с хозяином переговорю, вы у меня отхватите за самоуправство!

– Говори-говори! – отозвалась запертая дверь.

Перекосившись, я спустился на пролет и выглянул в окно. Вспомнил холод. Хреново.

Мне бы очень хотелось решить проблему наиболее удобным, “гладиаторским” способом, но что-то мне подсказывало, что ни к чему хорошему это не приведёт, и, если я вышибу дверь, побью и выгоню своих соседей, выселять меня придут уже с полицией...

Ладно, решу вопрос через хозяина. Я попытался пару раз до него дозвониться, но было уже поздно, он не брал трубку. Я понял, что разобраться смогу только завтра.

Я хотел было попроситься на ночлег к консьержке, но у неё я тоже был не на хорошем счету со своими “поздними появлениями в непонятном состоянии”. Она даже со злорадным триумфом смотрела, как я ухожу в холодную темноту ночи.

Противная баба. Если б не она, я бы хотя бы в подъезде мог заночевать...

Я ошибся. На улице был не холод. Там был лютый холодина! На каком-то информационном стенде я увидел, что температура воздуха -23. Моя одежда, состоявшая из простых, неутепленных джинсов, толстовки, кожаной куртки и осенних ботинок, была на такой мороз категорически не рассчитана.

Я посильнее натянул на голову капюшон толстовки. Так или иначе, эту ночь мне придется переживать на улице...

До закрытия я просидел в углу в какой-то кафешке. Потом потаскался по скверику, где за пару часов замерз до полусмерти. Руки в перчатках окоченели до боли, из носа текло так, что растворяло кожу, волосы, торчащие из-под капюшона, покрыл иней.

Я отправился отогреться в первый попавшийся кругло-суточной гипермаркет. Гулял по нему часа два, потом ко мне подошли охранники. Я сказал, что не могу найти кофе. На меня посмотрели, как на идиота, и показали, где. Я взял пачку первого попавшегося растворимого и поспешил уйти. Меня, на всякий случай, даже досмотрели, не украл ли я тут чего, но ничего компрометирующего не обнаружили.

Ещё полчаса я потаскался по улице и пару часов до открытия метро посидел, нахохлившись, в каком-то подъезде, куда шмыгнул за поздним гулякой. Долго сидеть тут не вариант. Желательно уйти до того, как народ пойдет на работу, а то потом доказывать полиции, что ты не верблюд...

Зато мало когда родной универ был для меня столь желаем. Еле как дотащившись с вещами до метро, я прокатился разок туда-обратно, прежде чем выйти на нужной станции. Там, не найдя в себе сил снова ходить по морозу, потратился на автобус и проехал 2 остановки до института. Беззвучно застонал, услышав по радио прогноз погоды: сегодняшней ночью ожидается уже -27.

После первой же пары я начал звонить хозяину квартиры. Оказалось, он действительно сам меня выгнал. Потому что “от меня было слишком много проблем” с несвоевременной оплатой, моей “непонятной деятельностью” и “неудовлетворительным поведением”, под которым понимались мои поздние возвращения в “чёрт знает каком состоянии”.

Ясно было, что дело дрянь. И сейчас, сходу, я никак не мог найти хоть какое-нибудь решение. Я досидел все пары и даже пожалел, что сегодня их не пять, как в четверг, а только три.

Мне казалось, что эту холодную ночь я не переживу. Найти за день новую квартиру? Гиблое дело! Хозяева меня не любили. Они смотрели на меня и видели во мне разгильдяя, тусовщика, дебошира, наркомана и далее в том же духе. Я пробовал предъявлять даже клубную карточку – “гладиаторское удостоверение” Армагеддона, но почему-то эта практика давала отрицательные результаты.

Пары закончились. Я решил позвонить Вадиму Крушителю. Но выяснилось, что к ним с женой нагрянула куча ее родственников. Он очень беспокоился, но я поспешно отоврался, что у меня есть еще варианты и пожелав всего доброго, бросил трубку.

На самом деле, вариантов, конечно, не было. Но я решил подумать об этом после, а пока съездить на Армагеддон, как я всегда и поступал, когда не знал, что делать. Вдруг там кого найду? Лишь бы только Гарик не узнал – засмеет ведь до

смерти!

Пока админ с кем-то оживленно болтал, я прошмыгнул в холл и закинул сумки туда. Пронесло.

Уже спокойно я вышел к ресепшну, решил прикинуть, с кем могу подраться в ближайшие две недели и листал каталог. Подошли какие-то парни и стали просить у меня автографы. Я взял ручку, но именно на мне ей приспичило сломаться. Сначала она повела себя несколько странно. Я потер пальцем стержень и зря я это сделал: оказалось, что вылетел шарик и она начала безбожно течь. Перемазавшись в чернилах, как криворукий художник, я чертыхнулся, кинул ручку в урну и пошел отмывать руки в туалет, бросив:

– Я ша.

Местный туалет был очарователен. На двери у него красовалось объявление формата А3 следующего содержания: “Руки моем обязательно!!! Кто выйдет с немытыми руками и подойдет к ресепшну – выгоню веником к чертовой матери!!!” И скромная подпись: “Администрация”.

Был в Гарике какой-то занятный фанатизм к чистоте...

Свежие чернила отошли почти сразу. Я изумился, какое классное сегодня мыло. Это было обычное хозяйственное, но оно так шикарно мылилось...

Я не сдержал душевного порыва, взял ещё мыла и воды на пальцы, соединил указательные и большие попарно и аккуратно раскрыл их в кольцо. В нем осталась мыльная пленка. Я подул в нее, пузырь начал надуваться, но, почти на-

дувшись, лопнул. Я снова сложил пальцы и подул. Мыльная пленка лопнула почти сразу.

Я намылил руки снова. И принялся выдувать пузырь. В этот самый момент кабинка распахнулась и из нее торжественно явился Сюифи. Пузырь в моих пальцах тотчас лопнул. Сюифи замер на секунду, а потом заржал, как ненормальный. Да мне и самому смешно было, что уж там.

Я решил, что теперь, раз меня застукали за сим занятием, терять нечего, а я хотел запустить хоть один пузырь, чтобы он отделился от пальцев и полетел. Намывив руки, я принялся выдувать новый пузырь. Сюифи, коротко взглянув на меня, так же сложил пальцы и подул. Но у него пузырь сразу лопнул.

– Воды много взял, – бросил я. – Нужно подобрать оптимальное соотношение. Я вот тоже пытаюсь.

Сюифи принялся мылить пальцы...

Через пятнадцать минут я победил его по количеству полетевших пузырей с разгромным счетом 9:3.

Мы, хохоча, вышли в коридор, и тут только я увидел, как вытянувшись из-за стойки, чтобы просматривать коридор, на меня пристально смотрит Гарик, а также те парни.

– А мы уж думали в полицию обращаться, – язвительно протянул он. – Человек пропал. Только мы не знали, как это объяснить. “Ушёл в сортир и не вернулся”?

Я почувствовал, как у меня загорелось лицо.

– И что же вы там делали вдвоем, раз выходите такие ве-

сельные и покрасневшиеся? – я почувствовал, как лицо начинает гореть еще сильнее. А Сюифи и вовсе занырнул в холл.

– Мне срочно надо было сделать что-то важное, – пряча краснеющее лицо под волосами, проговорил я.

– Дома надо “что-то важное” делать, – насмешливо-осуждающе сказал администратор.

Когда я наконец расписался, и парни ушли довольные, я хотел пойти в холл – уютный зальчик дальше по коридору, с диванчиками, креслами, мини-кухней и телевизором – здоровой плазмой. Но меня меня окликнули:

– Это, я так полагаю, Рекс?

Я обернулся и увидел довольно импозантного мужчину в костюме и шляпе, затеняющей его лицо и скрывающей глаза.

– Да, это я.

– Я Виталий Константинович. Вы меня, возможно, не знаете...

– Конечно, не знаю, – с хохмой ответил я. – У меня много фанатов, что ж я, всех Константинычей знать должен?

Мужчина чуть улыбнулся. А я довольный обернулся на Гарика, желая знать, как он оценит шутку.

Администратор стоял с белым, как мел, лицом.

– Рей... – сдавленно зашипел он. – Это наш гендир!

Я запоздало вспомнил, что администратор не раз упоминал некоего Константиныча, как какого-то о-очень важного человека... Вроде как, гендиректор и владелец по совместительству. Царь и бог, в общем. И еще более запоздало я за-

метил пару крепких парней модели “секьюрити”, неслучайно стоящих рядом с ним.

– Бли-ин, – шепотом ответил я Гарику, приложив руку к губам, словно так директор не услышал бы. Потом меня осенило, я хлопнул в ладоши и воскликнул. – О! Богатым будете!

И бочком пройдя мимо него в коридор, поспешил исчезнуть за поворотом к вожаденному холлу, услышав только, как директор усмехнулся и сказал:

– Я восхищаюсь этими людьми. Где ты их берешь?

Я еще раз глянул из-за угла на мужчину в черном. Шляпа и ее тень скрывала его лицо, и я понял, что даже стоя нос к носу с ним не видел его глаз. Кажется, я наконец понял, кто здесь сама Смерть.

В холле сейчас сидел один лишь Сюифи. Может быть, если уж он хорошо ко мне относится... Я выдохнул, собираясь с мыслями, подсел к нему поближе и осторожно начал:

– Сюифи... а ты... далеко живешь?

Парниша смотрел на меня с непониманием и смутной тревогой.

– Может, найдется местечко на коврике у двери? Я сейчас без жилья остался... и...

– Ре-е-екс! Прости-и-и! – протянул юноша страдальчески. – Мне очень жаль, но мой папа... он не разрешит...

– А-а, ну ничего страшного, не беда! – преувеличенно бодро попытался я успокоить пацана. – Еще у кого-нибудь

спрошу. Не переживай!

Сюифи вскоре ушел, и я ненадолго остался один. Поставил на зарядку телефон – где ж еще, кроме как на родном Армагеддоне? Потом пришли еще бойцы, потом Гарик забежал со своей кружкой глотнуть водички в перерыве между работой.

Мы засели на диване, подошла Бони, присев на подлокотник, сняла с меня капюшон и принялась наполовину профессионально, наполовину просто так разбирать ловкими пальцами мои волосы. Я откинулся на спинку дивана, млея.

Бони любила тактильность, и это особенно располагало к ней, ибо я, видимо, тоже. Хотя сначала меня очень смущало такое поведение. Но Бони не подкатывала, она просто была такая. Как я понял, ей не нравится никто из парней Армагеддона. И... иногда даже не был уверен, что парни вообще ей нравятся.

– Рекси, башку пора красить, – ласково пропела она.

– Мхм... – протянул я.

– И тебе, Гарик, осветляться пора, корни отросли... – тот негодуя увернулся от ее руки, как капризный кот.

– Давай без рук только, ладно?

Бони рассмеялась и вновь вернулась к моим волосам.

– Ох, Рекси, в кого ж ты такой красивый? Прямо модель. Голубоглазый блондин, каких еще поискать...

– Это в маму, – с теплом и грустью отозвался я. – Она

красавица... была.

Я осекся и с ужасом стрельнул глазами в Гарика, ожидая очередной едкости, однако тот неожиданно мягко проговорил:

– Понимаю... Тоже рано потерял маму?

Я кивнул, боясь, что дрожащий голос меня выдаст, и только совладав с собой пояснил.

– Ну, точнее, не очень... В восемнадцать, но...

– Но все равно больно, – без ехидства улыбнулся Гарик. – Как это случилось?

– Несчастный случай на производстве, – ответил я туманно. По правде сказать, я и сам не знал доподлинно, что же случилось. Просто однажды они погибли на рядовом казале бы задании...

Гарик кивнул.

– Мою машина сбила. У меня на глазах... Мне шестнадцать было. А она меня одна воспитывала...

У меня мурашки по спине пробежали.

– Так ты... – я понизил голос едва не до шепота, будто бы боясь это произнести, – детдомовский?

– Ой! Ой! Не надо таких громких слов! – со смехом экспрессивно замахал руками Гарик. – Я там и полугода не пробыл, это не в счет! Мамин хахаль усыновил. Мировой батя.

Я тоже улыбнулся, почувствовав, как разрядилась обстановка.

– А почему только спустя полгода? Чего он тянул?

– Ты вообще представляешь себе, насколько сложно оформить опеку бородатому байкеру без постоянной работы с единственной однушкой в Одинцово, оставшейся от бабушки?

Я ответил многозначительным кивком. И вздохнул. Будь у меня в собственности пусть даже однушка в Одинцово, я чувствовал бы себя гораздо успешнее. Особенно сейчас.

– Он говорил, что ему пришлось пройти тридцать кругов ада! – Гарик с хохотом откинулся на диван, скрестив руки на груди, малость не плеснув на себя же воды из кружки.

– Их же всего девять? – рассмеялся я.

– Так некоторые не по одному разу!

Мы немного посмеялись и замолчали.

– И тебе... не больно сейчас? – после паузы осторожно проговорил я.

– Время, Рексик, – со спокойной улыбкой отозвался Гарик. – Время все лечит. Любая рана зарастет, если дать ей время и немного покоя.

– Я бы тут вставил свои пять копеек... – отозвался было Сэнди с другого конца дивана. Но Гарик, резко подскочив, заткнул ему рот безапелляционно и насмешливо:

– Иди лесом, Сэнди! У нас тут пиар-фри зона, здесь запрещено рекламировать свои услуги! Все знают, что в миру ты психолог, не надо нам тут себя продавать!

– Я психиатр, – прохладно ответил боец, и бровью не поведя.

– Ой! Психологи, психиатры, коучи, тарологи, не все ли равно? – со смехом отозвался Гарик, отвязно направившись к двери.

Сэнди малость перекосило (особенно на тарологах), но он смолчал. Все на Армагеддоне знали: дай Гарику понять, что эта тема тебя задевает – и он будет стебать тебя этим до скончания дней.

В холл заглянул Дэр.

– Гарик, там Анна зовет, что-то со ставкой не проходит...

Администратор допил пару глотков, вылил остаток в раковину, помыл кружку (от воды-то) и побежал за ним.

Вскоре большинство бойцов ушли смотреть драку, а после я и вовсе опять остался один. Я прошелся по комнате, вернулся на диван, включил плазму, пощелкал, выключил, остался сидеть в тишине... От усталости и лютого недосыпа я вырубился, и разбудил меня уже суровый окрик Тайфуна. От него я подскочил и испуганно заозирался.

– Рекс, какого черта? – устало спросил мужчина. Высокий, суровый, с горбинкой на носу – следом старого перелома. – Я тут тебя чуть на ночь не запер. Давай, выметайся.

– Да... Да... сейчас-сейчас... – ословело заметался я, пытаясь побыстрее одеться. Тайфун смотрел на меня то ли презрительно, то ли просто устало. – А Гарик что?

– Домой Гарик уехал пять минут назад.

Я подхватил сумки и тупо поплелся за мужчиной. Тайфун был суров. Очень сильный боец, жестокий на ринге, готовый

практически на все ради победы. Сложно сказать, что было для него важнее – деньги или слава.

Мы вышли из здания, Тайфун запер замки дополнительным комплектом ключей. Я сонно вспомнил, что таких комплектов несколько. Один – основной – у Гарика. И еще штуки четыре, с ключами не от всех дверей, циркулируют между отдельными ответственными личностями.

Боец пикнул сигнализацией, открыл машину. В отрезвленной холодом голове вдруг вспыхнула мысль. Что, если... Нет! Стыд-то какой! Да и не согласится он, сам когда-то говорил, что я ему не ровня...

Машина медленно прогревалась, Тайфун что-то смотрел в старенькой мобиле. Надо решаться. Просто попрошу ключи и... Я закусил губу. Будет презирать меня еще больше.

Машина тронулась. Надо было решаться!

– Та-айфу-ун! – закричал я, бросаясь следом за машиной. Боец тотчас тормознул. Открыл дверь, вышел.

Отступить было поздно.

– П... послушай! – заикаясь начал я. – А можно... Можешь дать мне пожалуйста ключи на ночку! Я заночую и сразу верну! Куда хочешь тебе привезу... – я сбился под его взглядом и подумал, что, кажется, от стыда пора бросаться бежать прям с баулами. – Ну или... можешь запереть меня там, а я потом выйду, как кто приедет...

– Тебе негде жить? – сурово спросил боец.

Я кивнул, сглотнув. Мужчина выпустил пар носом. Точно

надо бежать. Можно даже бросить сумки...

– В машину, – резко бросил он и вернулся на водительское сидение.

– Что?

– В машину, говорю, садись.

Я сел. Тайфун одной рукой забросил мои сумки на заднее сидение, велел пристегнуться и поехал по ночной светящейся Москве. Только сев в машину, я заметил шашечки.

– Ты таксист? – осторожно спросил я.

Боец молчаливо кивнул.

...Однажды он забил меня едва ли не до полусмерти на ринге. Это была моя первая смертельная битва. Та в которой расчетный шанс погибнуть у тебя больше 40%, но за победу в которой ты получишь баснословный выигрыш. Я решил рискнуть – и прогадал.

Как и некоторые другие бойцы, Тайфун мог войти в боевой раж и не вполне отдавать себе отчет. Два бойца так и вовсе погибли от его руки.

Такое случалось. Не то чтобы совсем часто, но... Раз в месяц-другой кого-то с ринга выносили вперед ногами.

По “смертельным” битвам определяется такой показатель, как “цена жизни”. Та минимальная предположительная сумма, за которую ты готов был пойти на возможную смерть. Так сказать, во сколько ты сам оцениваешь свою жизнь.

У меня – 220 тысяч.

Я не убивал никого. Мой друг Вадик-Крушитель тоже.

Хотя однажды едва не убил меня же. Он такой... тоже порой без тормозов.

Мысли текли все более и более вяло. Глаза слипались. В машине было тепло и комфортно, и я чувствовал, как меня беспощадно клонит в сон.

– Ты сожалеешь о них? – в полусне спросил я, даром, что невпопад.

– О ком? О пассажирах, с которыми я не разговариваю?

– О тех... – я смутился. – О тех, кто погиб в драке с тобой?

Тайфун молчал некоторое время. Я почти успел выключиться, но его голос вывел меня из дремы.

– Ланса жалею. А Ксиан... он был мразью.

– Понятно... Тай...фун, прости, а тебя в жизни как зовут?

– Толя.

– Анатолий, значит? Как нашего уборщика? – я хихикнул, и только потом подумал, что прозвучало, наверное, так себе.

Но Тайфун, хоть и без улыбки, просто ответил:

– Уборщик у нас вроде Баба Тоня. Или как его Гарик называет?

– Да-да, точно, Тоня, – неловко улыбнулся я, вспомнив хмурого мальчишку-студента, подрабатывающего уборкой коридоров, помещений для персонала и трибун. Не ринга. На ринг требовались люди покрепче...

Мы замолчали, я все-таки заснул. А проснулся уже когда Тайфун осторожно трепал меня плечу, стоя с моими сумками в руках. В полусне я поднялся по лестнице на полпролета,

простоял в лифте, но пока боец отпирал дверь, растер лицо руками, немного пришел в себя и в квартиру зашел уже в более-менее сознательном состоянии.

– У меня тут бедненько, но сейчас я соображу для тебя кровать. Замерз?

– Пока ехали – нет, – отозвался я, неловко перетаптываясь в коридоре. У Тайфуна было тепло. Я до сих пор едва верил, что боец, который меня обычно презирал, не просто согласился помочь, но еще и пустил меня в свой дом пожить. Я ведь совсем не его круга, о чем он сам как-то говорил...

– Рэй, не трись ты там в прихожей, – устало окликнул мужчина. – Давай проходи куда-нибудь, особых приглашений не будет. Мы люди простые, институтов не кончали.

Я кой-как разделался с ботинками и прошел к дивану, на который Тай услужливо указал и ушел на кухню. Квартирка была маленькая, однокомнатная, с совмещенным санузлом.

– Господи, ты в подворотнях, что ли, спал? Грязный-то какой!

Я залился краской, и опустил глаза.

– Снимай это безобразие, закидывай в стиралку, а сам в душ.

Я торопливо кивнул.

– Есть еще что стирать?

– Ага, сейчас распакую.

Я собрал вещи в стирку, с удовольствием залез в душ и через полчаса уже сидел чистенький на диване в домашней

футболке и трениках.

– Глинтвейн хочешь?

– Хочу, конечно! – встрепнулся я. – А у тебя есть?

– Будет по такому случаю, – отозвался боец с кухни. Судя по звуку, вытаскивая пробку из бутылки. Потом он еще чем-то погромел, пошуршал, вернулся и достал из шкафа комплект чистого постельного белья.

– Прости, у меня тут не отель, справишься сам?

– Конечно!

Тайфун кивнул, вновь скрылся на кухне и застучал ножом по дощечке.

Я помял в руках простую, но едва не хрустящую от чистоты простыню. Она пахла малость синтетическим альпийским лугом. Я прижал ее к лицу и глубоко вдохнул. Почти как дома.

– Рекс?

Я вздрогнул и обернулся. Тайфун с вопросом смотрел на меня.

– И... извини! – смутившись, отозвался я. – Это... это ведь “Сказка. Альпийский луг”, да? Ну, кондиционер такой. У меня мама всегда с таким стирала...

– Понятно, – тихо ответил Тайфун. – Давно съехал от родителей?

– Их убили.

Я же все-таки научился говорить о них без дрожи в голосе и без слез.

– Прости, – глухо бросил мужчина и скрылся на кухне.

Я застелил постель и начал бродить по комнате. По квартире поплыл приятный запах пряностей. Я осматривался, и в глаза бросилась рамка с фотографией знакомого, но намного более улыбочивого Тайфуна, обнимающего симпатичную женщину с каре и девчущку лет шести.

Я долго рассматривал картинку, пока не почувствовал на себе взгляд. Тайфун медленно подошел и тоже уставился на фото.

– Это твоя жена?

Мужчина кивнул.

– Ушла три года назад.

– Почему?

– Да вот... Все денег было мало. Много ли натаксуешь? Маринка все пилила... Оттого и биться пошел, а Маринка... В общем, тогда она и вовсе сказала, что не может жить с тем, кого в любой момент убить могут, подала на развод, да и уехала с Алиской, – он грустно усмехнулся. – Вот так вот. Либо денег мало, либо риска много... Сложно любимой женщине угодить.

Я тяжело вздохнул.

– Но ничего. Вон накоплю побольше, уйду с шоу, может быть, вернется. Или к ней переедем. Квартирку купим получше...

Я кивнул; Толя-Тайфун с грустной нежностью смотрел на фотографию.

– А ты здесь только таксуешь? В смысле, в обычной жизни.

– Не. Я еще и инструктор по уличным боям...

– Ого! – с энтузиазмом глянул на него я. – Драться учишь?

– Скорее – выживать, – поправил мужчина.

– Очень круто, наверное. А дашь пару уроков?

Толя пожал плечами.

– Ты и сам многое умеешь. Но могу. Одного парня с Армагеддона я уже тренирую.

– Это кого?

– Да дебила одного крашеного, ты его знаешь, он в придурочных очках еще постоянно ходит.

Я прыснул.

– И сколько ты за занятие берешь?

– По-разному. Ходят и мужчины состоятельные, и парни, как ты, с дырой в кармане. Гарик... с него и денег-то брать стыдно, у него настолько по нулям, что ужас, даже падать не умеет. Мы с ним договорились на взаимную выгоду. Я имею удовольствие эту бесячую собаку законно через бедро покидать, а он хоть чему-то учится. Наверное. Я надеюсь. Хочешь, приходи как-нибудь к нам. Или можешь к Гарику примкнуть...

– Давай к Гарику, – охотно согласился я.

– Он оценит, – как-то недобро ухмыльнулся Тай. – Но можешь и к мальчишкам походить. Поможешь им осваивать навыки.

– Можно, – улыбнулся я. Тай кивнул.

– Во сколько тебе завтра на пары?

– Аа, во сколько захочу.

– Хорош студентик. Ты имей в виду, я с утра работаю завтра, в шесть встаю, – я не успел страдальчески скривиться, как мужчина продолжил. – Дам тебе второй комплект ключей. Заодно и вернуться сможешь, как самому удобно.

Я с облегчением выдохнул. А Тай еще более утешительно продолжил:

– Пойду наливать глинтвейн.

Вскоре перед диваном появилась табуретка и две узорчатые кружки на ней, дымящиеся и наполняющие комнату запахом пряностей и немного апельсина.

М-м-м! Любимый запах...

Апельсины я обожал неимоверно. Кажется, душу бы за них продал... Только вот на цитрусовые у меня была аллергия. Не сильная, с половинки кружочка из кружки даже сопли не потекут. Но съесть целый без антигистаминных я бы уже не мог...

Для питья было горячевато, я принялся нетерпеливо разглядывать кружку, и вспомнил, где уже видел подобный узор.

– Хах, а ты знаешь, что Гарик свою кружку запирает на замок? А еще никогда не сводит с нее глаз, когда пьет, и отставляет от всех подальше... Смешная привычка, скажи?

– Смешная... – на лице Тая не отразилось и намека на

улыбку, – если не знать, почему он это начал делать.

Я стер ухмылку с лица и вопросительно поглядел на Толю.

– Помнишь, ты спрашивал, жалею ли я о Ксиане? – Тайфун так сурово глянул мне в глаза, что по спине побежали мурашки. – Так вот, Рэй, его я прикончил намеренно. Потому что однажды эта крыса подсыпала Гарику отраву в чай. Просто сумма выигрыша как-то мужика не устроила, понимаешь, больше хотел.

Я сглотнул, оторопело глядя на мужчину.

– Ого... Серьезно? В смысле, траванул.

– Не очень. Но приятного мало. Там Верту еще помог, выклянчил у Гарика дохлебать полкружки перед боем. “Как положено друзьям”, знаешь.

Я неловко кивнул.

– Понятно. Я не знал...

– Вот Гарик теперь кружку и прячет. И если оставил ее на столе и хоть на несколько секунд выпустил из вида, уже не станет допивать. И лишний раз кусок в рот из вскрытой до него пачки не возьмет. А он и так-то ест мало что. Поэтому, мне, например, не смешно.

Повисло неуютное молчание.

– Узор просто похожий был, – неловко проговорил я.

– Из этого комплекта и есть. А та, легендарная, в холле в шкафу стоит, перешла общественности. Гарик ее после того раза и пальцем больше не трогает.

Мы вновь замолчали. Глинтвейн все еще был еще слиш-

ком горяч, да и пить такой уютный напиток под тяжелые разговоры не хотелось. Я попытался сменить тему.

– А когда вы с секцией занимаетесь?

– По субботам, часов в семь. Как детишки с волейбола уйдут, зал освободят.

– Классно. А детишек не хочешь завербовать? Научить крутым приемчикам, выставить на соревнования, и чтоб противники от них отлетали!..

– Так, Рэй! – недобро оборвал меня Тайфун. – Я не учу никого круто раскидывать противников. Я учу выживать при встрече с гопотой в темном переулке. И, скажу сразу, почти всегда лучше убегать, а не испытывать судьбу. А вот уже если не удалось – тогда идут в ход приемы.

Я смущенно умолк. Молчание вновь стало неудобным. Мне было обидно говорить невпопад...

– Но Гарик-то не ходит темными переулками, – усмехнулся я, попробовав разрядить обстановку.

– Не ходит... – начал было Тай, но его оборвал звонок домофона, такой резкий и неожиданный, что я вздрогнул. – Кого еще черти принесли?

Хмурясь, мужчина поспешил в прихожую и снял трубку.

– Слушаю?.. Гарик?! Заходи, открываю.

Толя повесил трубку и отпер входную дверь, даже в коридор вышел. В подъезде загудел лифт. Я поднялся и выглянул в прихожую из-за стены.

– Твою мать! – с чувством выругался Тай, едва ли не вта-

щив Гарику в квартиру. – Ты откуда такой красивый?

В первые несколько секунд я даже не мог его узнать без очков и с разлохмаченной прической. В одной рубашке, жилетке наизнанку, натянутой до ушей, легкой кофтой поверх, простых джинсах и кроссах, – почти так, как ходил обычно на работе. Будто бы выскочил из машины на секунду, пробежать десять шагов до порога Армагеддона. Вот только шагов оказалось явно не десять...

– От-т “В-вал-лерии” н-на Х-хром-овск-ком...

У него едва зуб на зуб попадал. С обветренным лицом, красными щеками и носом, он попытался растереть замерзшие уши такими же задубевшими руками, и мне показалось, что пальцы у него уже не гнутся.

Минус двадцать семь обещали...

– В комнату! – Тай опять же силой потащил Гарику к дивану.

– А р-раз-зут-ться?..

Проигнорировав, Тай попросту толкнул парня на диван и, не расшнуровывая, стянул с Гарику кроссовки, после чего грубовато откинул в сторону.

– От Валерии до меня минут сорок чесать.

– Ага! Я з-замет-тил! – администратор попытался посмеяться, но получилось неубедительно и жалко.

Тай накинул на него тяжелый плед, укутав почти с головой. Скрылся в ванной на минуту и вернулся с тазом воды.

– Суй ноги.

Гарик коснулся воды мысочком и, ахнув, отдернул ноги.
– Горячая!

– Чуть теплая, – отрезал Тай и заставил опустить ноги силой. Гарик сначала вскрикнул, но видно быстро притерпелся. Даже попытался наклониться и сунуть в воду руки. Край пледа упал было в таз, но Тай поймал. Пальцы Гарика и правда совсем его не слушались и были пугающе бледными.

– Давай руки сюда!

Тай присел перед ним, бесцеремонно схватил протянутые руки Гарика, заставив того поморщиться, и спрятал в своих ладонях. Они почти полностью скрыли тонкие бледные пальцы администратора. Тай закрыл глаза. Его голова склонилась над ладонями, которые он держал на уровне своего сердца.

Зримо ничего не происходило, но по сосредоточенному лицу мужчины и едва заметной испарине на виске я понял, что тот явно проводит какую-то энергетическую работу.

– Ес-сли со с-стороны г-глянуть, в-выгляд-дит двус-мысле-нно, – все еще трясясь, выдавил Гарик с малость замученной, но все же ухмылкой.

Тайфун на шутку не стал даже реагировать. Дальше сидели в молчании, видно сил на юмор у администратора было совсем мало.

– О-о, как горячо, – протянул он наконец со смесью боли и наслаждения.

– Прячь руки! – скомандовал Тайфун, поднимаясь, и для

верности сам помог ему укутать ладони пледом. Потом решительно протянул ему свою кружку и еще более приказным тоном сказал. – Пей!

– Не-не-не, я не пью... – замотал головой тот, но Толя не дал ему даже фразу закончить.

– Пей, я сказал! Тебе это нужно. Там градусов почти нет. Не то силой волюю, и Рей поможет.

Гарик, вздохнув, с безысходностью принял кружку, обхватив ее обеими ладонями. Тай отпустил, лишь убедившись, что тот крепко ее держит.

– А теперь – что случилось?

Лицо Гарика тотчас сделалось еще серьезнее.

– Темная приора, тонированная, без номеров. Шла прямо за мной... Я не уверен, но... Может, мне показалось, конечно... Но было стремно. Я предпринял слегка странный маневр, чтобы проверить, а потом смотрю, она снова за мной, – Гарик уже не трясся, только голос немного хрипел, но он говорил суетливо, нервно.

Тай с мрачным лицом попробовал воду, сходил за кипятком, и предупредительно велел Гарiku вытащить ноги, долил горячего в таз.

– Я испугался, что будет вести до самого дома. Хотел позвонить, но на дороге боялся, что тот заметит по свету экрана. В итоге тормознул у “Валерии 24 часа”, типа в гипер зайти. Приора тоже начала парковаться, я в стекло дверей видел... Ну, я почти бегом пробежал до другого входа, на ходу

прическу сбив и очки спрятав, чтобы затеряться. Выбежал на улицу с другой стороны. Там же дом Грея рядом, хотел до него добежать... А оказалось, тот, скотина, переехал, и даже не сказал...

– А позвонить? – уточнил Тай.

– Я хотел! – простонал Гарик. – Прямо от гипера! Но телефон на холоде просто сразу сдох!..

– Ох уж эти ваши новомодные хренофоны, – пробурчал мужчина, качая головой. – И что вот от такого толку?

Гарик ничего не сказал, только сделал осторожный глоток и чуть поморщился. Я, глядя на него, тоже взял кружку.

– Ни позвонить, в общем, ни такси вызвать... Хорошо хоть я большинство адресов ваших на память помню... Вспомнил, что ты вроде недалеко живешь, и помчался к тебе... Ты это... – Гарик отвел глаза, – прости, я бы не стал тебя беспокоить... но-о...

– А если б и меня дома не было? Если б я в ночь работал? – с негодующим волнением осведомился боец. – Что бы ты тогда делал?

– Лег бы под куст и сдох, Тай, – без усмешки отозвался администратор, сделал глоток побольше и откинулся на спинку дивана.

– А про одежду зимнюю никогда не слышал? Или принципиально не пользуешься?

– Да у меня пуховик за задним сидением лежал! – вновь простонал администратор. – Но я его достать не мог... Как

думаешь, если это правда было преследование, его бы не смутило, если б я вышел из машины типа в гипермаркет, и начал бы одеваться в пуховик?

– Резонно, – помолчав, ответил Тайфун. – Из гипера зря выбежал, конечно. В людных местах надо скрываться от преследования. На людях тронуть обычно не смеют. Слышишь, Гарик? В башку себе вбей: от преследования уходим в людное место.

– Да слышу-слышу, – устало отмахнулся администратор. – Я запаниковал, думал, вдруг догонит.

– Во-во. Паника еще никого не спасла, – мрачно бросил Тай. – Хорошо еще на темной улице не догнали.

Гарик поморщился.

– А там в гипере все равно людей в такой-то час...

– И что? Там камеры и охрана. Подошел к охраннику, и ля-ля как ты умеешь. Или напрямую высказать опасения, попросить вызвать полицию. Даже если окажется фигня, а дежурная бригада приедет злобная – страшнее штрафа за ложный вызов ничего не грозит. В отличие от ситуации, когда преследование есть.

Гарик тяжело вздохнул и кивнул. Тай тоже вздохнул, пробубнив что-то вроде “бестолочь несчастная”.

Я молча пил, сидя на диване с Гариком, а мужчина просто стоял рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.